

## Колымагин Борис Федорович

кандидат филологических наук; независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

E-mail: kolymagin1@yandex.ru

## Иерусалим в современной поэзии

DOI: 10.24412/2587-9316-2022-00100

Иерусалим издавна привлекал внимание поэтов. Во многих произведениях религиозный фактор играет заметную роль. Иудейский дискурс разрабатывается в творчестве Михаила Генделева, Наума Ваймана, Анатолия Добровича, Михаила Сипера. Христианский дискурс осваивается Игорем Бурихиным, Еленой Игнатовой, Риммой Запесоцкой. Сам топоним «Ерушалаим» имеет двойственное число. Стихи о земном и небесном Иерусалиме написали Анри Волохонский, Михаил Генделев, Елена Игнатова. Эти произведения органично входят в Иерусалимский текст русской литературы.

Ключевые слова: Палестина, Иерусалим, Святая земля, поэзия, язык.

...

Для цитирования: Колымагин Б.Ф. Иерусалим в современной поэзии // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. № 2. С. 51–63.

## Boris F. Kolymagin

Candidate in Philology; independent researcher, Moscow, Russian Federation

E-mail: kolymagin1@yandex.ru

## Jerusalem in Modern Poetry

DOI: 10.24412/2587-9316-2022-00100

Jerusalem has long attracted the attention of poets. In many works, the religious factor plays a significant role. The Jewish discourse is developed in the works of Mikhail Handelev, Nahum Vayman, Anatoly Dobrovich, Mikhail Siper. Christian discourse is mastered by Igor Burikhin, Elena Ignatova, Rimma Zapesotskaya. The toponym «Yerushalayim» itself has a dual number. Poems about the earthly and heavenly Jerusalem were written by Henri Volokhonsky, Mikhail Handelev, Elena Ignatova. These works are organically included in the Jerusalem text of Russian literature.

Keywords: Palestine, Jerusalem, Holy Land, poetry, language.

...

For citation: Kolymagin B.F. Jerusalem in Modern Poetry. *Christianity in the Middle East*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 51–63.

**И**ерусалим — город трех авраамических религий — издавна привлекал внимание русских поэтов: Хомяков, Вяземский, Бунин... Кто только не писал о нем. Немало стихов, посвященных «святому граду», было создано во второй половине XX и в начале XXI веков.

Во многих произведениях религиозный фактор играет заметную роль. Наиболее ярким текстом можно, пожалуй, считать ставшее песней стихотворение «Рай» («Над небом голубым...») Анри Волохонского, где речь идет о небесном Иерусалиме. Поэт написал его почти за два года до того, как репатриировался в Израиль:

Над небом голубым  
Есть город золотой  
С прозрачными воротами  
И с яркою стеной

А в городе том сад  
Всё травы да цветы  
Гуляют там животные  
Невиданной красы

Одно как рыжий огнегривый лев  
Другое вол преисполненный очей  
Третье золотой орёл небесный  
Чей так светел взор незабываемый

А в небе голубом  
Горит одна звезда

Она твоя о Ангел мой  
Она всегда твоя

Кто любит тот любим  
Кто светел тот и свят  
Пускай ведет звезда тебя  
Дорогой в дивный сад

Тебя там встретит огнегривый лев  
И синий вол преисполненный очей  
С ними золотой орёл небесный  
Чей так светел взор незабываемый

[Волохонский, 2012. С. 275].

Для Волохонского эстетика играет огромную роль. Музыкальность фразы, красота, пластика — все это свойственно стихам поэта, в которых оттенки библейских смыслов играют и поэтическую, и теологическую роль.

«Рай» исполнялся соавтором Волохонского Алексеем Хвостенко, но получил всенародную популярность благодаря Борису Гребенщикову. В варианте Гребенщикова имеется несколько отличий от оригинального текста, главное из которых, по большому счету — замена в первой строчке «Над небом голубым...» на «Под небом голубым...».

Волохонский, понимая рай как определенное место, следовал за оригиналом (поэтому «над»). Гребенщиков считал рай царством, находящимся внутри нас (поэтому «под»).

Рассказ о метафизическом рае в СССР, строящем рай на земле, был в своем роде провокацией. Но кроме нее в рассказе присутствуют вертикальные интуиции: стихи носят визионерский характер. И это визионерство связано с пророчеством Иезекииля (Иез. 1, 10) и с текстом Апокалипсиса, с картинами обретенного рая.

В то же время в стихах есть и теологические размышления, самые сильные из которых говорят о сотериологии: «Кто любит тот любим/ Кто светел тот и свят». Спасение, по Волохонскому, осуществляется в пространстве любви и света.

Стоит отметить, что ивритское название «Ерушалаим» имеет двойственное число. Как уверяют знатоки языка, такое же, как парные органы: эйнаим — глаза, ядаим — руки. Иерусалим есть на земле и на небе. Отсылки к небесному Иерусалиму мы встречаем у разных поэтов. Наиболее ярко двойственность топонима обыгрывается у Михаила Генделева. Например, так:

там  
наискосок со мной  
как на карте козырной  
так  
Ерусалим Наземный  
что почти что неземной

[Генделев, 2003. С. 441].

Елена Игнатова, перебравшаяся из Ленинграда в Землю обетованную в 1990 году, описывает вроде бы реальный город: пишет об арабских мужчинах «в пожилых пиджаках», упоминает «Машбир» — универмаг в центре. Но стихотворение «Сизый ангел, приведший в Иерусалим», в котором об этом говорится, уже своим названием отсылает нас к горнему. Героиня оказывается в двух мирах — земном и небесном. Небесный мир не обязательно уводит нас в метафизику, хотя и туда тоже:

Мы стоим у «Машбира». Дырявый жилет  
прикрывает крыло его. Прошлого нет,  
все, что прожито — грубо и начерно.  
Но усмешка его, словно оклик впотьмах,  
словно он прозревает в кривых небесах  
что нам дальше судьбою назначено.

[Игнатова, 2018].

В другом стихотворении «Это почти из романа: ставни скрипят» (опубликованном, как и первое, в израильском журнале «Артикль») «Иерусалаим» появляется на фоне падающего снега, «когда даруется зрение шире и чище»:

Это почти из Диккенса: Новый Свет,  
семейный очаг, любовь подростка, смятение...  
Между землей и небом — лучшей из скреп  
золотая наука смиренья,

когда даруется зрение чище и шире — снег,  
и смирение учит, баюкает, утешая,  
и хрустально и камню твоим во сне  
«Иерусалим — я шепчу, — Иерусалаим...»

[там же].

Культура проводит линии связи не только по вертикали, но и по горизонтали. Для многих приехавших на постоянное место жительства в Израиль авторов важна память о России. И в своих стихах они сочетают самые неожиданные вещи. Скажем, попадание «в кутузку» у них и у нас. У того же Генделева читаем:

И мент увел меня в вокзал  
в кишечнике которых недр  
мне вход подземный показал  
нагнув в железный тетраэрд.

Пьяный герой мучается, почему-то вспоминает Окуджаву, но злоключению приходит конец:

Потом рвало меня шла желчь  
потом был выбит из кутузки  
потом я думал: надо же  
как удивительно по-русски

[Генделев, 2003. С. 314].

Впрочем, поэты сопрягают не только низкие, но и высокие горизонты, как делает это, скажем, Анатолий Добрович, который написал:

Предчувствие осени. Как я хочу,  
чтобы здесь — не в Кусково: в Хадере, вот именно,  
предчувствие осени снова нахлынуло  
и в дальнем углу колыхнуло свечу.

[Новая литературная карта России. Анатолий Добрович].

Но как бы ни уводила культура в сторону от религии, памятники старины возвращают к ней. Тот же Добрович, вглядываясь в облик города, констатирует:

Нигде не ощущаешь резче  
отцовскую неласковость Творца,  
первичность мысли, первозданность речи,  
обыденность конца.

[там же].

Взгляд поэта на Иерусалим — это взгляд человека «иудейской культуры». Да, с одной стороны, он не любит фанатиков и прямо говорит об этом: «Черношляпых толчею,/ божью саранчу/ не сужу и не черню —/ ви-

дочь не хочу». С другой утверждает: «Но я люблю прохладу горных рощ,/ светящийся бугристый камень,/ и древних букв естественная мощь/ мне родственней церковных вертикалей».

Михаил Сипер стихотворением «Ершалаим» (1979) продолжает иудейский текст русской литературы. Автор изображает город в дни взятия его войсками Веспасиана: «горит величественный Храм», «на копья подняты тела», вдова падает на семисвечник. Но бой не закончен. Поэт видит себя участником сражения и восклицает, обращаясь к столице древнего царства: «Но твой запал неукротим,/ Как в пору тех седых годин,/ И вышло так, что я один/ Из тех, кто выжил». Любопытно, что это стихотворение опубликовано в российской патриотической газете «День Литературы» (№ 12, 2007).

Есть у Сипера стихи, где монтируется не иудейский, а иудео-христианский космос. К ним можно отнести стихотворение «В этом городе Бог не проездом бывал». Автор говорит об Иисусе, хотя ни разу не называет его по имени: «Он здесь жил, и следы на брусчатке видны./ Он тогда безбород был, беспечен и мал,/ Его тень до сих пор на песке у стены». В последней строчке интересен поворот темы — время остановилось, оказывается, прошлое можно поймать не только памятью, но и предметами и даже тенью. Поэт задает вопрос и тут же пытается на него ответить: «Кто мне скажет, он прав был? Наверное, прав,/ Просто надо подумать о том не спеша». Последующие две строфы — неспешные размышления, которые сочетаются с покоем, с субботой, то есть со временем, выделенным в современном Израиле на сакральные нужды:

А куда мне спешить, нарушая покой?  
На добро и на счастье исчерпан лимит,  
И бездарны мгновения жизни такой,  
Если не с кем в дороге сухарь преломить.

Но когда в пустоте опечалится плоть,  
Подними в небо взгляд и увидишь ответ —  
То не облако, то пролетает Господь,  
Оставляя зевакам инверсии след.

[Сипер, 2009].

На древнюю столицу Израиля смотрят и те, кто живет в христианской парадигме. О ней пишут Игорь Бурихин, Римма Запесоцкая и дру-

гие авторы, о которых мы достаточно подробно уже говорили в моей предыдущей публикации [Колымагин, 2020].

Мусульманского взгляда на древний город в русскоязычной поэзии незаметно. Мы можем разве что указать на его отражение у некоторых поэтов, в целом настороженно относящихся к исламу. Тот же Генделев в поэтическом цикле «Месяц ав» небрежно бросает: «переломи/ и брось ему калам/ последний каллиграф Иерусалима» [Генделев, 2003. С. 195]. Калам, напомню, это тростниковый стержень с заостренным концом, используемый для каллиграфии.

Петр Межурицкий в стихотворении «Римский трамвай» описывает свою прогулку:

Чем кончится война, известно наперед:  
Бог победит, а дьявол не умрет,  
и зря, страшись потерь, трепещут души —  
отстроить много проще, чем разрушить,  
сколь иногда ни беспощадна месть,  
что и обидно для всего, что есть,  
а, значит, было — вот и Колизей —  
глазей во все глаза! Обмылок сей,  
как ни смешно, ничуть не портит Рима;

я как-то на трамвае ехал мимо,  
на остановке Шхемские ворота  
сойдя в свой час, и это было что-то:  
читал ты про квартал еврейский в сказке,  
наверное, а это был — арабский,  
о коем ни полслова нету в Торе,  
а, может быть, и есть... Ни с чем не споря,  
я разглядел, простите за банальность,  
такую объективную реальность —  
мечеть и Храм, что был тут вероятно —  
и на трамвае укатил обратно.

[Петр Межурицкий].

Автор пытается быть беспристрастным. Поэтому просто фиксирует то, что видит. Но эта фиксация все-таки человека, встроенного в иудейский дискурс.

Наум Вайман также смотрит на арабов со стороны. Правда, в его зарисовках есть добродушие и теплота, чего мы не заметили у предыдущих авторов. В стихотворении «Иерусалимская ханукальная...» он изображает продавца баранок:

Налетай, мол, вкусно, барин!  
По-арабски он зашпарит,  
И к баранкам мне подарит  
Соль и пряности в кульке.  
Феску старую поправит,  
Страшный рот пустой осклабит,  
И отвалит налегке.

«Барин», это, конечно, отсылка к дореволюционной России. Но поэт, отрываясь от очаровательной картинки и русской литературы, напоминает себе: «Стены Храма вдалеке/ Стены Храма вдалеке...» [Наум Вайман. Иерусалимская ханукальная].

Впрочем, Вайман может порой сказать о «святом граде» жестко и эпатажно: «щель обетования». Поэт сочетает женский орган с географическим местом для того, чтобы увидеть реальность в ее неприкрытом виде. Однако в таком сильном поэтическом ходе нет разрыва с традицией: древние пророки нередко сравнивали Израиль с блудницей.

У Ваймана есть и замечательное живописное полотно Иерусалима, где созерцание уходит во внутренние переживания, в наблюдения над собой:

Над Геенны мертвым лоном  
Склон горы из белых плит,  
И олив седую крону  
Легкий ветер шевелит.

Незаметно солнце село,  
Первых сумерек прибой.  
И горит Кипат Асела,  
Словно желудь золотой.  
Там, над Храмовой горою,  
Где так низок небосвод,  
Бесконечным темным роєм  
Ходит птичий хоровод.  
И за этой круговертью

Устремляется душа,  
Детской верою в бессмертье  
Непростительно греша.

[Наум Вайман. Иерусалим].

Заметим, что Кипат Асела с иврита переводится как «Купол над скалой». Сама скала обросла преданиями: это и краеугольный камень Вселенной, и место жертвоприношения Исаака, и точка вознесения Мухаммеда...

Любой человек соприкасается в Израиле с живой историей. Поэты свидетельствуют именно об этом. В качестве еще одного примера хотелось бы привести текст Сергея Бирюкова, контактирующий с творениями ивритского авангардного поэта Давида Авидана:

невозможность  
невозможность стихов  
как невозможность  
вот этой библейской девушки  
на улице дизенгоф  
в прозрачной униформе

[Бирюков, 2022 (Звучарность)].

Эта картинка Тель-Авива, но и в Иерусалиме можно увидеть что-то подобное. Есть у Бирюкова и тексты, показывающий саму атмосферу Святой земли. Причем этот показ идет с помощью боковых деталей, какими являются бабочка и цикада.

Бабочка говорит о плотности воздуха:

бабочка в иерусалиме  
летит как будто лезвие  
разрезает плотный воздух  
не столько быстро  
сколь тяжело  
как будто воздух здесь  
олово

[Бирюков, 2022. С. 139].

Цикада, естественно, отсылает нас к звуку:

цикады в хайфе неумолчны  
в прохладе ночи  
ах нет — ночи  
цикадой пой  
не то молчи  
вот чи  
ич и

[Бирюков, 2022. С. 139].

Стихотворение обрывается звуком «и». Пение бесконечно.

Так реальность переплетается с историей и мифологией — с тем, что было, и с тем, что становится сказкой на наших глазах. Эта сказка близка россиянам. Как написал Саша Зайцев, «время наводить мосты —/ лучше хода нет на свете,/ Русь, куда несешься ты? —/ В Иерусалим, — ответит». Вопросание Гоголя о птице-тройке находит неожиданный ответ.

Впрочем, встреча Руси с землей обетованной может произойти и в фантазии. Вот как описал такую встречу Андрей Дмитриев:

Снег лежит на полях Израиля.  
Медленно бричка плетется к Иерусалиму.  
Что-то случилось. Что-то случилось...  
Это не правильно.

Что имел в виду здесь Дмитриев? Климатические изменения? Или что-то другое — смешение культур и уклада? Наверное, это не так важно. Интересна сама по себе картинка.

Стихи об Иерусалиме: настоящее и прошлое, прошлое в настоящем, фантастическое будущее. И над земным градом — небесный «Ерушалаим», горизонт сомнения и надежды.

## Литература

Бирюков С. Звучарность. М.: ОГИ, 2013.

Бирюков С.Е. Универсум: Стихи, композиции, визуалы, микродрамы / Сергей Бирюков; послесловие Н.А. Фатеевой. М.: Б.С.Г. – Пресс, 2022.

Волохонский А. Собрание произведений в 3-х томах. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Генделев М. Неполное собрание сочинений. М.: Время, 2003.

Игнатова Е. Судьба хороша // АРТИКЛЬ. 2018. № 8.

Колымагин Б.Ф. Тема Святой земли в религиозной поэзии андеграунда 1960–1980 годов // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 4. С. 5–16.

Наум Вайман. Иерусалим [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://stihi.ru/2017/11/06/4122> (дата обращения: 01.12.2022).

Наум Вайман. Иерусалимская ханукальная [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://stihi.ru/2018/01/04/11421> (дата обращения: 01.12.2022).

Новая литературная карта России. Анатолий Добрович [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http://www.litkarta.ru/projects/ulysses/texts/content/dobrovich/view\\_print/](http://www.litkarta.ru/projects/ulysses/texts/content/dobrovich/view_print/) (дата обращения: 01.12.2022).

Петр Межурицкий. Стихи 2019 года. Часть пятая [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://stihi.ru/2020/01/08/7067> (дата обращения: 01.12.2022).

Сипер М. Сами себе пророки // Иерусалимский журнал. 2009. № 32.

## References

Biryukov S. Sonority. Moscow, OGI, 2013. (In Russian)

Biryukov S.E. Universum: Poems, compositions, visuals, microdramas. Sergey Biryukov; afterword by N.A. Fateeva. Moscow, B.S.G. – Press, 2022. (In Russian)

Gendeleev M. Incomplete collected works. Moscow, Time, 2003. (In Russian)

Ignatova E. Fate is good. Article, 2018, no. 8. (In Russian)

Kolymagin B.F. The theme of the Holy Land in the religious poetry of the underground 1960–1980 // Christianity in the Middle East, 2020, no. 4, pp. 5–16. (In Russian)

Naum Wyman. Jerusalem Hanukkah. URL: <https://stihi.ru/2018/01/04/11421> (date of access: 12.01.2022). (In Russian)

---

Naum Wyman. Jerusalem. URL: <https://stihi.ru/2017/11/06/4122> (date of access: 12.01.2022). (In Russian)

New Literary Map of Russia. Anatoly Dobrovich. URL: [http://www.litkarta.ru/projects/ulysses/texts/content/dobrovich/view\\_print/](http://www.litkarta.ru/projects/ulysses/texts/content/dobrovich/view_print/) (date of access: 12.01.2022). (In Russian)

Pyotr Mezheritsky. Poems of 2019. Part five. URL: <https://stihi.ru/2020/01/08/7067> (date of access: 12.01.2022). (In Russian)

Siper M. Themselves prophets. Jerusalem magazine, 2009, no. 32. (In Russian)

Volokhonsky A. Collection of works in 3 volumes. T. 1. Moscow, New Literary Review, 2012. (In Russian)